

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 218–227

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 218–227

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-218-227>, EDN: MRFNOK

Научная статья

УДК 327(467.2+494.9+449.49+454.4)|19|

Основные характеристики внешней политики карликовых государств Европы в XX веке

М. Б. Алимова-Нefёдова

¹Министерство иностранных дел Российской Федерации, Россия, 119200, г. Москва, пл. Смоленская-Сенная, д. 32/34

²Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Россия, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Алимова-Нefёдова Мария Борисовна, ¹дипломатический работник, третий секретарь, руководитель группы протокола Посольства России в Азербайджане; ²соискатель кафедры международных отношений и внешней политики России, nefedova-mary2010@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2150-2195>, AuthorID: 998846

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных характеристик внешней политики четырёх сохранивших себя к началу XX века в качестве самостоятельных политico-территориальных образований европейских карликовых государств: Княжества Андорры, Княжества Лихтенштейн, Княжества Монако и Светлейшей Республики Сан-Марино. Показано, что эти характеристики, в силу одинаковых основных признаков этих государств и единых исторических условий их существования, в целом не только совпадают между собой, но и на протяжении исследуемого периода имеют общую динамику своих изменений. Сделан вывод о том, что, хотя основные характеристики внешней политики карликовых государств Европы и малых стран частично совпадают, внешнеполитические концепции, инструменты внешней политики, и прежде всего – внешнеполитические стратегии указанных карликовых государств обладают своей собственной спецификой.

Ключевые слова: карликовые государства, внешняя политика, основные характеристики внешней политики, внешнеполитические стратегии, внешнеполитические концепции, инструменты внешней политики

Для цитирования: Алимова-Нefёдова М. Б. Основные характеристики внешней политики карликовых государств Европы в XX веке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 218–227. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-218-227>, EDN: MRFNOK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Main foreign policy characteristics of European dwarf states in the 20th century

M. B. Alimova-Nefedova

¹Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 32/34 Smolenskaya-Sennaya Sq., Moscow 119200, Russia

²Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76 Vernadsky Ave., Moscow 119454, Russia

Mariia B. Alimova-Nefedova, nefedova-mary2010@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2150-2195>, AuthorID: 998846

Abstract. This article explores the key features of the foreign policy of four European dwarf states that managed to retain their status as independent political and territorial entities by the start of the 20th century: the Principality of Andorra, the Principality of Liechtenstein, the Principality of Monaco, and the Most Serene Republic of San Marino. The study highlights how, due to their similarities in size and historical circumstances, these states' foreign policies not only share common traits, but have also evolved in similar ways over time. The article concludes that while there are some parallels between the foreign policies of these dwarf states and other small countries, their strategies, concepts, and instruments are distinct and tailored to their specific contexts.

Keywords: dwarf states, foreign policy, key foreign policy characteristics, foreign policy strategies, foreign policy concepts, foreign policy instruments

For citation: Alimova-Nefedova M. B. Main foreign policy characteristics of European dwarf states in the 20th century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 218–227 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-218-227>, EDN: MRFNOK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Прежде всего, необходимо разобраться с терминологией. Начнём с того, что единого названия, обозначающего самый маленький тип европейских государств, ни в науке, ни в дипломатической практике до настоящего времени не сложилось. Кроме термина «карликовое государство» для их обозначения используются и такие формулировки, как минигосударства, микрогосударства, самые маленькие государства, реликтовые государства, государства-лилипуты и др. Следовательно, в силу существующего реалистизма, любое из таких определений может вызвать возражения. Поэтому сразу оговоримся, что мы всецело поддерживаем точку зрения тех авторов, которые применяют в соответствующих случаях термин «карликовое государство» [1; 2, р. 8; 3, р. 74–81], тем более что в отечественной литературе он уже настолькоочно прочно вошёл в научный и политический лексикон [4; 5; 6; 7], что на сегодняшний день его использование в научных целях предполагается свободным от каких-либо негативных коннотаций.

Нет единства мнений и в вопросе о том, какие именно небольшие европейские страны следует относить к карликовым государствам [8; 9, р. 74–75; 10, р. 67–80]. По нашему мнению, к ним целесообразно причислить те политико-территориальные образования этого региона, которые отвечают всем основным признакам государств как таковых [11, с. 343–347] и которые по размерам своей территории и численности населения уступают малым государствам. Причём здесь мы присоединяемся к тем известным и авторитетным авторам, которые рассматривают в качестве верхнего предела этих показателей размеры территории и количество населения Большого Герцогства Люксембург (соответственно 2 586 км² и (на 2023 г.) 668 606 человек) [12, р. 244; 13, р. 569; 14]. Конечно же, эти конкретные цифры достаточно условны и не имеют к себе жёсткой привязки вплоть до квадратного километра по площади или до каждого человека по количеству населения (тем более что численность населения постоянно меняется), но они уже способны послужить основой для достаточно конкретизированных ориентиров определения

карликовых государств: у них менее 2,5 тысячи квадратных километров территории и не более 600 тысяч населения.

В Европе ещё в XVII–XIX вв., в силу существования феодальной раздробленности, количество таких государств исчислялось сотнями [15, р. 127], однако на начало XX в. их оставалось всего четыре: Княжество Андорра, Княжество Лихтенштейн, Княжество Монако и Святая Республика Сан-Марино¹.

Наконец, в научной и образовательной литературе также содержатся различные определения понятия «внешняя политика». Но, несмотря на существование в них неизбежных для теоретических исследований отличий, в целом, в большинстве случаев она определяется как совокупность действий государства и его институтов за пределами своей суверенной территории, осуществляемая в целях реализации национальных интересов [16, с. 142; 17, р. 543]. Среди характеристик внешнеполитической деятельности государств различают, во-первых, формализованные (или неформализованные) внешнеполитические концепции, в рамках которых речь идёт о концентрированном определении основополагающих принципов, целей, задач и приоритетных направлений их внешней политики [18; 19, с. 7; 20; 21], во-вторых, стратегии, используемые для достижения целей и задач внешнеполитических концепций [22, с. 223–224, 233–237; 23, с. 410–413; 24; 25, р. 124–128], в-третьих, инструменты внешней политики, под которыми следует понимать методы и средства, с помощью которых государства реализуют свои стратегии [26, с. 154–155; 27; 28].

Внешнеполитические концепции, стратегии и инструменты карликовых государств Европы

Безусловно, каждое из карликовых государств Европы (как и любая страна) индивидуально, но в силу своих основных признаков (ограниченности территории и небольшой численности населения) они обладают схожими достоинствами и недостатками. К первым допустимо отнести их быструю приспособляемость к изменениям в мировой экономике и региональных интеграционных процессах [29], отсутствие

необходимости в разветвлённом бюрократическом аппарате и др. Ко вторым – отсутствие реальной военной силы, узость внутреннего рынка, нехватку человеческих, природных и финансовых ресурсов, дефицит квалифицированных (в том числе управлеченческих) кадров, наличие, как правило, невысокого качества политических элит. К числу общих недостатков этих государств следует добавить и значительную ограниченность свободы действий во внешнеполитической сфере [30, с. 18], сосредоточение основных приоритетов внешней политики (в отличие от великих держав) не в сфере международной безопасности, а в области решения внешнеэкономических проблем [31, р. 29], преимущественно региональную направленность внешнеполитической (и как её части – внешнеэкономической) деятельности [32, р. 54], проблемы со сбором и обработкой большого объёма информации [33, р. 42], предпочтительность в международной обстановке (в мире и регионе) стабильного баланса сил [32, р. 58] и т. д. Все это не могло не сказалось на формировании у европейских карликовых государств на всём протяжении исследуемого периода многих совпадающих характеристик их внешнеполитической деятельности.

Что касается закрепления национальных внешнеполитических концепций в виде отдельных специальных документов (аналогичных, скажем, Концепции внешней политики России), в которых были бы в концентрированном виде представлены система взглядов этих государств на национальные интересы во внешнеполитической сфере, соответствующие базовые принципы, стратегические цели, основные задачи и приоритетные направления внешней политики и т. п., то у карликовых государств Европы их никогда формально не существовало. Тем не менее полагаем, что, исходя из фактических обстоятельств, допустимо выделить следующие общие для них основные задачи и цели национальной внешнеполитической деятельности, в той или иной мере появлявшиеся перед ними на различных этапах исследуемого периода: решение вопроса обеспечения безопасности от внешних угроз и сохранение себя в качестве самостоятельных политико-территориальных образований; максимальное сокращение с помощью международных договорённостей своих государственных расходов; налаживание отношений добрососедства с сопредельными государствами (прежде всего с государствами-покровителями). Начиная с принятия в начале 90-х гг. прошлого века этих стран в ООН и многочисленные международные межправительственные организации, одной из их внешнеполитических концепций становится формирование справедливого и устойчивого мироустройства.

Инструменты внешней политики государств допустимо (хотя и достаточно условно) подразделить на негативные (рестрикции, эмбарго,

блокада) и позитивные (различные стимулы в виде предоставления льготных кредитов, оказания безвозмездной финансовой помощи и т. п.), однако главным универсальным таким инструментом, позволяющим любому государству встроиться в систему международных отношений, является дипломатия [34; 35 р. 1–8]. Между дипломатией и другими мирными инструментами внешней политики существует принципиальное отличие: дипломатия есть постоянно действующий институт.

Само понятие дипломатии многогранно. Здесь достаточно указать на то, что сегодня только в рамках её форм допустимо говорить о публичной дипломатии, культурной дипломатии, персональной дипломатии политических лидеров, членочной дипломатии, многосторонней и конференционной дипломатии и др. По-разному понимается и содержание этого термина. Отсюда в современной доктрине существуют и многочисленные определения дипломатии, каждое из которых не может являться общепризнанным [36, с. 419–420]. В любом случае она представляет собой совокупность невоенных практических мероприятий, приёмов и методов, применяемых государствами с учётом конкретных условий и характера решаемых задач.

Применительно же к карликовым государствам, в силу отсутствия у них собственной серьёзной военной и экономической мощи, больше подходит понятие дипломатии в её традиционном понимании, т. е. как «ведение международных отношений посредством переговоров; метод, при помощи которого эти отношения регулируются и ведутся послами и посланниками; работа или искусство дипломата» [37, с. 1]. При этом нельзя отрицать того, что длительный период в их истории этот инструмент (вплоть до 60-х гг. XX в.) по сфере своего распространения мало выходил за рамки отношений с государствами-покровителями (см. ниже) как в силу самоограничения в международных отношениях (Андорра, Лихтенштейн и Сан-Марино), доходящего до передачи государствам-покровителям полномочий своего внешнеполитического представительства, так и в результате существовавшего внешнего фактора в виде снисходительно-пренебрежительного отношения к ним со стороны других государств (примером которого может служить отказ от удовлетворения заявок карликовых государств Европы на вступление в Лигу Наций). В то же время особенностью их современной дипломатической практики, особенно ярко начавшей проявляться с середины 90-х гг. прошлого века, выступает активное стремление повышать свою значимость за счёт коллективного участия в деятельности международных организаций и форумов, широкое использование средств публичной дипломатии, всемерная поддержка выдвигаемых инициатив по созданию эффективных систем коллективной безопасности и др.

[38; 39; 40]. Кроме того, в целях формирования собственного позитивного международного имиджа добросовестных и полноправных участников международных отношений они стали активно содействовать продвижению многих, в том числе глобальных, международных инициатив, стремиться к неуклонному соблюдению фундаментальных норм и принципов международного права, а также принятых на себя международных обязательств [41; 42].

Особое место среди характеристик внешней политики европейских карликовых государств занимают внешнеполитические стратегии. Конечно, на выбор тех или иных стратегий и инструментов может оказывать влияние огромное количество факторов: географические и geopolитические условия, внутренние реалии, уровень экономического развития и др., но следует согласиться с тем, что, как бы то ни было, объективно существующие обстоятельства мировой действительности всё равно в той или иной мере ориентируют карликовые государства «на политику, характеристиками которой являются прагматизм, гибкость, лавирование, уход от обременительных внешних обязательств, стремление привлечь помочь более богатых стран» [23, с. 413].

Некоторые внешнеполитические стратегии этих государств особой оригинальностью не отличаются, поскольку являются характерными не только для них, но и для других типов государств (малых и даже некоторых средних), поэтому мы назовём их общими. Так, на примере обеспечения подобными государствами собственной безопасности от внешних угроз обычно выделяют два вида таких общих стратегий: политику балансирования между более крупными державами² и политику примыкания к курсу доминирующей державы [43; 44, с. 89; 25, с. 124–128]. В то же время следует признать, что именно карликовые государства особенно часто сочетают эти стратегии, тем более что в их комбинировании «как раз и скрывается секрет сохранения их независимости на протяжении столь длительного времени» [45, с. 36].

Помимо вышеупомянутых общих стратегий, государства довольно часто используют в указанных целях политику нейтралитета [45, с. 34], а в отдельных случаях применяют внешнеполитическую стратегию, получившую в научной литературе название стратегического хеджирования (*hedging strategies*), которое определяется как «поведение страны, стремящейся нивелировать риски путём выбора многосторонней политики с намерением добиться взаимных ответных эффектов» [46, р. 24]. Эта стратегия направлена на то, чтобы избежать какой-либо одной конкретной политики – балансирования, сдерживания или нейтралитета – и снизить потенциальный риск в отношении держав регионального уровня, не поддерживая их и не вступая в конфронтацию ни с одной из них [47, р. 11].

Но карликовые европейские государства применяют и иные внешнеполитические стратегии, которые обычно оказываются недоступными или неприемлемыми для малых, а тем более средних или крупных держав мира, которые мы назовём их специальными стратегиями.

Специальные внешнеполитические стратегии карликовых государств Европы

Одной из особенностей европейских карликовых государств является длительное существование у них «особых отношений» с одной (или даже двумя) более сильной в военном и экономическом плане державой, которой они передают (вместе с затратами) часть своих государственных функций. Такие отношения существуют между Лихтенштейном и Швейцарией, Монако и Францией, Сан-Марино и Италией, а Андорра долгий период своей истории представляла собой неформальный кондоминиум – с 1278 г. и до принятия Андоррой своей Конституции в 1993 г. ею фактически управляли (как соправители) сразу два государства – Франция и Испания. В 1993 г. они официально признали независимость Андорры, но её «особые отношения» с ними сохранились.

Соглашения об установлении карликовыми государствами Европы «особых отношений» предусматривают передачу ими части своих суверенных прав государствам-покровителям, и потому вплоть до начала 90-х гг. прошлого века они рассматривались как протектораты. Однако, в отличие от колониальных договоров об установлении протектората, эти соглашения были заключены с государствами общей цивилизационной платформы, одной религии (а зачастую и общего языка), населённых людьми, с которыми они веками жили рядом, а временами даже в рамках одного государства. Само заключение таких соглашений происходило не под влиянием силового давления или военных угроз со стороны государств-покровителей, а инициировалось самими карликовыми государствами, ищущими в таких соглашениях собственную выгоду. Мало того, сами защита и помощь предлагались государствами-покровителями либо фактически безвозмездно, либо в обмен на довольно мягкие условия, которые зачастую (прежде всего в финансовом плане) были даже более выгодны покровительствуемому, чем самому покровителю. Немаловажен и тот факт, что эти соглашения в любое время могли быть расторгнуты по инициативе любой из сторон³.

И ещё одна ключевая для понимания специальных стратегий карликовых государств Европы деталь: в начале XX в. экономику этих государств характеризовало крайне тяжёлое финансовое положение, сопровождавшееся низким уровнем жизни населения (вплоть до необходимости решения вопросов их выживания)

и непрерывным ростом государственных долгов⁴. Поэтому государственные расходы сокращались, где только было возможно, и все специальные стратегии этих государств были направлены именно на это. В то же время, после того как с середины 60-х гг. XX в. экономическая ситуация в этих странах стала принципиально меняться, указанные стратегии (в силу привычки, экономии или здравого смысла) тем не менее продолжили своё существование.

Разновидности специальных внешнеполитических стратегий европейских карликовых государств

Так называемый международный аутсорсинг⁵

Все рассматриваемые нами карликовые государства, заключая международные соглашения со своими «покровителями», передают по ним часть собственных государственных функций, осуществление которых требует от них немалых расходов. Чтобы всесторонне прояснить эту стратегию, приведём несколько примеров.

Так, для карликовых государств крайне обременительными являются расходы на оборону, тем более что они хорошо осознают бессмысленность содержания своих крохотных армий, которые в любом случае не смогут противостоять армиям своих соседей. Поэтому, например, Лихтенштейн просто отказался от армии как таковой, нет армии и у Андорры. У Сан-Марино и Монако есть крайне немногочисленные армии, которые в основном предназначены для участия в протокольных мероприятиях и на серьёзные военные действия не способны. Поэтому, чтобы обезопасить себя от каких-либо внешних угроз и при этом сэкономить на бюджетных расходах, карликовые государства этого региона⁶ пошли по пути прямой передачи (по официальным международным соглашениям) исполнения функции собственной обороны тем государствам, с которыми у них установились эти самые «особые отношения». Так, Княжество Монако (ещё в 1918 г.) заключило Договор о дружбе и защите с Францией [48], взявшей на себя обязательство гарантировать его независимость, суверенитет и территориальную целостность. Андорра передала осуществление функции своей безопасности Испании и Франции, что в очередной раз было закреплено трёхсторонним Соглашением о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в 1993 г. [49], а Республика Сан-Марино – Италии по Договору о дружбе и добрососедстве от 30 сентября 1939 г. [50].

Передача этой функции другому государству имеет и ещё один важный нюанс для характеристики внешней политики таких государств: то, что является приоритетным для абсолютного большинства других стран, – обеспечение собственной безопасности от внешнего нападения – уходит для карликовых государств Европы

на второй план. Мало того, они доверяют эту важнейшую собственную функцию именно тем странам, которые в первую очередь и могли на них покуситься, и ведь не ошиблись: ни одно из указанных государств-покровителей так и не пожелало предстать перед остальным миром в качестве вероломного монстра⁷.

Или возьмём, к примеру, заключение европейскими карликовыми государствами со своими «покровителями» таможенных союзов. Нет, в самом факте их заключения не было и нет ничего особенного: такие союзы появились ещё в XVII в. [51, р. 42], в середине XIX в. они уже получают довольно широкое применение, а в XX в. вообще стали распространённым явлением. Но таможенные союзы, заключённые европейскими карликовыми государствами, имели ряд характерных отличительных особенностей (сохранившихся до настоящего времени). Рассмотрим их на примере Договора от 29 марта 1923 г. между Швейцарией и Лихтенштейном о присоединении Княжества Лихтенштейн к таможенной территории Швейцарии [52].

В ст. 4 этого Договора говорится, что для урегулирования соответствующих таможенных отношений «в Княжестве Лихтенштейн применяется так же, как и в Швейцарии... таможенное законодательство Швейцарии». Иными словами, Лихтенштейн передал контрагенту по договору свои права по регулированию таможенных отношений на своей территории вместе со всеми затратами на соответствующую нормотворческую деятельность. Но этим дело не ограничилось. На основании Договора «таможенная охрана границы между Лихтенштейном и Австрией находится в ведении швейцарской таможенной администрации» (ст. 11), и при этом «таможенные должностные лица и служащие в Княжестве Лихтенштейн назначаются, получают оплату за свой труд и увольняются швейцарскими властями», но они и «подчиняются исключительно швейцарским властям во всех официальных вопросах» (ст. 19). Иными словами, Лихтенштейн передал Швейцарии (вместе с соответствующими затратами) свои государственные функции по охране собственных границ с Австрией и осуществлению в этих границах таможенных правил (в том числе таможенного досмотра), но при этом он сохранил свои права на получение дохода от таможенных платежей в виде соответствующей материальной компенсации, причём без каких-либо вычетов на содержание швейцарского контингента. И среди европейских карликовых государств это – распространённая практика.

Приведём ещё один пример. Одной из малоизвестных форм экономии карликовыми государствами Европы своих бюджетных расходов является передача ими по международному договору другому государству (обычно своему нынешнему или бывшему государству-покровителю) практически всех лиц, включая собственных

граждан, осуждённых их судами к лишению свободы на более-менее длительные сроки (обычно – более 1 года) для отбывания ими наказания в пенитенциарной системе государства-контрагента. Изучим этот вопрос на примере Договора на размещение заключённых, подписанный Княжеством Лихтенштейн и Австрийской Республикой 4 июня 1982 г. [53].

Начнём с того, что по этому Договору передаются любые осуждённые в Лихтенштейне лица, которыми могут быть не только граждане Австрии и каких-либо третьих государств, но и (как уже отмечалось) подданные самого Лихтенштейна. Причём последнее обстоятельство не рассматривается в качестве нарушения принципа «собственные граждане не выдаются», поскольку передача таких лиц по своим целям не является экстрадицией. Австрия не только содержит переданных ей по этому Договору лиц в рамках своей пенитенциарной системы, но и получает за это деньги, покрывающие её расходы (ст. 10). Подлежащие уплате за это конкретные суммы в Договоре не указываются, но в нём говорится, что они «каждый раз определяются компетентными органами по взаимному согласию».

Вместе с тем указанный Договор не предусматривает каких-либо зеркальных положений, т. е. передачу в Лихтенштейн для отбывания наказания лиц, осуждённых к лишению свободы в Австрии, или арестованных этим государством. Не предусматривает он и выраженного в какой бы то ни было форме согласия на такую передачу самого осуждённого. У него нет и права выбора страны, где он мог бы отбывать установленный срок⁸.

Правда, такая передача может осуществляться не всегда. В соответствии со ст. 2 и 3 Договора Австрия не предоставляет соответствующие услуги в тех случаях, когда это нарушило бы её «общественный порядок или иные существенные интересы», вступило бы в противоречие с «другими международно-правовыми обязательствами Австрийской Республики», когда истёк срок давности судебного преследования, а также когда деяния осуждённых «являются политическими в соответствии с австрийским законодательством» или «заключаются исключительно в нарушении налоговых, монопольных или таможенных правил, правил обращения с товарами или внешней торговли» и в некоторых других схожих ситуациях.

Поясним, при чём здесь сокращение расходов государственного бюджета. Дело в том, что в силу небольшого (для государства) населения количество заключённых неизбежно оказывается малочисленным и, как следствие, расходы на строительство и содержание мест лишения свободы – неадекватно высокими, ведь туда включены затраты на соблюдение режимных

требований (исполнение функций охраны, конвоирования, перевозки специальным автотранспортом и т. д.), обеспечение заключённых одеждой, питанием, медицинскими услугами, коммунальными условиями, оплату услуг прачечной и др. Сюда же входит стоимость строительства тюремных помещений и их амортизации. Полученный совокупный результат затрат делится на число заключённых, и если таковых мало, то и суммы на содержание каждого из них оказываются внушительными⁹.

Как бы то ни было, ситуация с передачей заключённых для отбывания наказания, связанного с лишением свободы, в другие государства сложилась среди карликовых государств Европы исторически, и в том или ином виде существует уже более столетия.

С другой стороны, практика заключения таких договоров служит одним из оснований общего разграничения карликовых и малых государств Европы, поскольку международные договоры малых и тем более средних европейских государств не предусматривают делегирования ими другому государству таких своих функций, как оборона страны (за одним исключением¹⁰), внешнеполитическое представительство, охрана государственных границ, а также передача осуждённых своими судами лиц, включая собственных граждан и граждан третьих стран, для отбывания тюремного наказания в государстве-контрагенте и т. п.

Использование результатов нормотворческой деятельности государства-покровителя

Эта стратегия находит своё внешнее выражение не только в рецепции (т. е. в прямом заимствовании) формулировок чужого законодательства, не только в предоставлении государству-покровителю права в одностороннем порядке регулировать на своей территории те или иные общественные отношения (как в нашем примере с таможенными правилами на территории Лихтенштейна), но и в непосредственном использовании в одностороннем порядке правовых актов государств-покровителей в рамках собственной правовой системы. Как правило, речь идёт о судопроизводстве, страховании, телекоммуникации, оказании услуг связи и др. [54].

Привлечение в качестве собственных государственных должностных лиц граждан государства-покровителя.

В то время как многие государства (в том числе Россия) вообще запрещают иностранцам находиться на государственной или муниципальной службе, карликовые государства отошли от этого правила, в одних случаях непосредственно руководствуясь договором с государством-покровителем (например, работа французских

судей в Монако основана на двустороннем соглашении между Францией и Монако о правовой помощи от 21 сентября 1949 г.) [55], в других – по собственной инициативе. Законодательство Сан-Марино требует, чтобы суды судов низшей инстанции страны были именно негражданами, и в этом качестве на контрактной основе привлекают граждан Италии [56].

Некоторые общие внешнеполитические стратегии карликовых государств Европы действуют не на всём протяжении XX в. Так, с середины 1960-х гг. у всех таких государств в качестве новой внешнеполитической стратегии появляется *оказание офшорных услуг иностранным хозяйствующим субъектам*.

Следует признать, что эта стратегия коренным образом изменила экономическое положение рассматриваемых стран и резко подняла уровень жизни их населения. В них стали создавать современную промышленность, проводить строительство многочисленных общественных зданий, дворцов, прокладывать коммуникации, улучшать социальную защищённость граждан и т. д. При этом взыскиваемые с населения налоги снизились до минимума, хроническая безработица фактически перестала существовать, а государственный бюджет неизменно был профицитным. В условиях решения внутренних экономических проблем эти государства начинают уделять повышенное внимание внешнеполитической деятельности. Именно с учётом изменений в их экономическом положении и при поддержке со стороны карликовых и малых стран иных регионов, возникших на месте бывших колоний, карликовые государства Европы становятся полноправными членами ООН, а также ряда других международных межправительственных организаций¹¹.

Финансовая независимость и отсутствие внешних угроз привели к тому, что география международных контактов европейских карликовых государств начинает всё больше меняться, их интересы начинают выходить за пределы ближайшего географического района. Вследствие этого, в рамках неформализованных национальных внешнеполитических концепций европейских карликовых государств появились в качестве их самостоятельных составляющих «формирование справедливого и устойчивого мироустройства» и «создание благоприятных внешних условий для своего развития», а ещё одной из их *внешнеполитических стратегий* постепенно становится так называемая «секторальная специализация» этих государств, осуществляемая в виде дополнительного акцента на тех или иных направлениях своей внутренней и внешней политики. В качестве таких примеров можно привести оказание банковских услуг (Лихтенштейн), туризм (80% ВВП Андорры даёт именно туристическая отрасль), игорный бизнес, спортивные и культурные мероприятия (Монако),

морская логистика (Мальта), филателия и нумизматика (Сан-Марино), выдача европейских «золотых паспортов» (Андорра, Мальта, Сан-Марино), а также продвижение на международном уровне урегулирования вопросов определённой сферы (климатических, исследования Мирового океана, прав человека и др.).

Заключение

В силу своих общих признаков (ограниченности территории, небольшого числа населения, наличия «особых отношений» с одной (у Андорры – двумя) более сильной в военном и экономическом отношении державой), схожих достоинств и недостатков и будучи в одинаковых исторических условиях, европейские карликовые государства в XX столетии с неизбежностью прошли некие единые для них этапы своего развития, в рамках которых нашли своё проявление и схожие характеристики их внешней политики. В исследуемый исторический период таких этапов было два: с начала XX в. и до середины его 60-х гг., а затем с середины 1960-х гг. до конца XX в.

Среди характеристик внешнеполитической деятельности государств принято различать, во-первых, формализованные или неформализованные внешнеполитические концепции, определяющие в концентрированном виде цели, задачи и приоритетные направления их внешней политики, во-вторых – стратегии, используемые для достижения целей и задач внешнеполитических концепций, в-третьих – инструменты внешней политики, под которыми следует понимать методы и средства, с помощью которых государства реализуют свои стратегии.

В рамках неформализованных национальных внешнеполитических концепций европейских карликовых государств, существовавших до 60-х гг. XX в., можно выделить обеспечение безопасности от внешних угроз, максимальное сокращение с помощью международных договорённостей с государствами-покровителями своих государственных расходов и налаживание отношений добрососедства с сопредельными государствами. Основным инструментом их внешней политики в течение исследуемого периода следует рассматривать дипломатию (в её традиционном понимании).

Внешнеполитические стратегии карликовых государств Европы во многом совпадают со стратегиями внешней политики малых государств этого региона (балансирование между более крупными державами, политика примыкания к доминирующей державе, политика нейтралитета и др.), т. е. являются для них общими. Но указанные карликовые государства применяют и иные внешнеполитические стратегии, которые обычно оказываются недоступными или неприемлемыми для малых, а тем более для

средних и крупных держав мира. В исследуемом периоде к таким стратегиям следует отнести передачу по международным договорам своему государству-покровителю таких собственных государственных функций, как оборона страны, охрана государственных границ, осуществление полномочий собственных таможенных органов, отправление своих осуждённых (включая собственных граждан и граждан третьих стран) для отбывания тюремного наказания в государстве-контрагенте, использование результатов нормотворческой деятельности государства-покровителя, привлечение в качестве собственных государственных должностных лиц иностранных граждан (прежде всего – граждан государства-покровителя) и др.

С середины 1960-х гг. и до конца XX в. у всех карликовых государств Европы в качестве новой внешнеполитической стратегии появилось оказание офшорных услуг иностранным хозяйствующим субъектам (которую, впрочем, можно расценивать как общую стратегию с рядом малых и средних государств). Её применение коренным образом изменило экономическое положение рассматриваемых стран, что внесло существенные корректизы в отношение к ним других государств. В результате указанные карликовые государства становятся полноправными членами ООН и ряда международных межправительственных организаций, начинают уделять повышенное внимание внешнеполитической деятельности. Вследствие этого, в рамках их неформализованных внешнеполитических концепций появились в качестве самостоятельных составляющих «формирование справедливого и устойчивого мироустройства» и «создание благоприятных внешних условий для своего развития», а одной из внешнеполитических стратегий постепенно становится их международная «секторальная специализация».

Примечания

¹ В 1964 г. из бывшей колонии Великобритании возникло ещё одно карликовое государство Европы – Республика Мальта. В силу ряда причин многие характеристики его внешней политики имеют свои особенности, поэтому, а также в силу ограниченности размеров статьи, они здесь не рассматриваются.

² Неслучайно выживание Андорры на протяжении многих веков связано именно с формированием кондоминиума в её управлении между Францией и Испанией.

³ В качестве соответствующего примера можно привести расторжение Лихтенштейном в 1919 г. подобного соглашения с Австрией и заключение им в 1921 и в 1923 гг. соглашений об установлении «особых отношений» со Швейцарией.

⁴ Некоторое исключение составляло разве что Княжество Монако, где на рубеже XIX и XX в. начали активно развивать игорный бизнес (запрещённый в то время

в большинстве развитых государств), который приносил в казну неплохие доходы.

⁵ Эта специальная стратегия (как и некоторые другие) используется карликовыми государствами не только Европы. Так, обязанность по защите от внешнего нападения на Федеративные Штаты Микронезии (по договору) возложили на себя США.

⁶ Эта специальная стратегия (как и некоторые другие) используется карликовыми государствами не только Европы. Так, обязанность по защите от внешнего нападения на Федеративные Штаты Микронезии (по договору) возложили на себя США.

⁷ Любопытно, что этим же государствам карликовые государства Европы часто передают и свои «внешнепредставительские» функции.

⁸ Некоторое преимущество есть у лиц, осуждённых к лишению свободы в Андорре: исторически им принадлежит право выбора между тюрьмами Франции и Испании.

⁹ Если средняя стоимость содержания одного заключённого в государствах Евросоюза обходится их бюджету в 186,7 евро в день, то, например, в Монако в 2018 г. эти расходы составляли 248,3 евро в день, в Сан-Марино в 2011 г. они вообще равнялись 750 евро в день, а в 2022 г. – (когда остался один арестованный) достигали 2030,99 евро в сутки.

¹⁰ Несмотря на то, что Исландия является членом НАТО, по Соглашению между нею и Соединёнными Штатами от 5 мая 1951 г. США обязались защищать её от вторжения извне.

¹¹ Под влиянием развернувшейся в мире под руководством Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Глобального форума борьбы с оказанием офшорных услуг зарубежным хозяйствующим субъектам карликовые государства Европы были вынуждены отказаться от этой стратегии, но это произошло уже в XXI в.

Список литературы

- Arnold B. B. Pseudo-States and Sovereign Citizens // Global Encyclopedia of Territorial Rights. Berlin : Springer, 2023. P. 1–9.
- Osóbka P. Systemy konstytucyjne Andory, Liechtensteinu, Monako, San Marino, Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 2008. 145 p.
- Sikorska B. Sytuacja prawnomiedzynarodowa europejskich państw karłowatych. Warszawa : Sprawy Międzynarodowe, 1971. 259 p.
- Воронина А. М. Роль ряда малых юрисдикций в мировом офшорном бизнесе // Финансы и кредит. 2006. № 18. С. 71–80.
- Саипова К. Д. История зарождения карликовых государств на политической карте мира // Вестник развития науки и образования. 2015. № 1. С. 4–6.
- Серебряник И., Дружина А. Карликовые государства Океании: проблемы и пути их решения // Theoretical and Applied Science. 2015. № 4. С. 71–73. <https://doi.org/10.15863/TAS.2015.04.24.12>

7. Штокало В. А., Штокало С. В. Развитие сотрудничества с карликовыми государствами: неисчерпаемый потенциал // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 11–7. С. 134–137.
8. Crowards T. Defining the category of small states // Journal of International Development. 2002. № 14 (2). P. 143–179.
9. Lukaszewski M. Research on European Microstates in Social Science, Selected Methodological and Definitional Problems // Alta Journal of Interdisciplinary Research. 2011. Vol. 1, № 2. P. 74–77.
10. Simpson A. W. A Theory of Disfunctionality: The European Micro-states as Disfunctional States in the International System (Politics). Delaware : Vernon Press, 2021. 280 p.
11. Нефедова М. Б., Нефедов Б. И. Государства и образования, часто объявляемые государствами. Часть 1. Отличительные признаки государства и особенности карликовых государств // Евразийский юридический журнал. 2018. № 4 (119). С. 342–349.
12. Ipsen K., Epping V., Menzel E. Völkerrecht. Juristische Kurz-Lehrbücher. München : C. H. Beck, 2004. 1314 p.
13. Jakubowski W., Słomka T., Wojcicki J. System polityczne państw Europe niebędących członkami Unii Europejskiej // Społeczeństwo i polityka. Podstawy nauk politycznych. Warszawa : Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2007. P. 567–571.
14. Luxembourg // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/country/luxembourg> (дата обращения: 07.08.2024).
15. Cussans T., Almond M. The Times, Atlas of European History. 3000 Years of History in Maps. New York : Harper Collins Publishers, 1994. 208 p.
16. Политология : учебник / под ред. В. И. Буренко. 2-е изд., М. : КНОРУС, 2013. 392 с.
17. Smith S., Hadfield A., Dunne T. Foreign Policy: Theories, Actors, Cases. Oxford : Oxford University Press, 2016. 264 p.
18. Кондратов А. И. Эффективность внешнеполитической деятельности государства как объект теоретического анализа // Вестник Московского университета. Серия 25 : Международные отношения и мировая политика. 2011. № 4. С. 4–18.
19. Цыганков П. А. Внешняя политика государства: особенности, процесс и факторы, влияющие на принятие решений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 2. С. 7–30.
20. Глухарев Л. И. Европа перемен: концепции и стратегии интеграционных процессов : монография. М. : Изд-во Крафт, 2006. 352 с.
21. Rosenau J. N. Moral Fervor, Systematic Analysis and Scientific Consciousness in Foreign Policy Research // Political Science and Public Policy / ed. by A. Ranney. Chicago : Markham, 1968. P. 197–236.
22. Новикова И. Н. Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15, вып. 3. С. 219–242. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.301>
23. Богатуров А. Д. Международные отношения и внешняя политика России. М. : Аспект Пресс, 2017. 479 с.
24. Wivel A., Oest K. J. N. Security, profit or shadow of the past? Explaining the security strategies of microstates // Cambridge Review of International Affairs. 2010. Vol. 23, № 3. P. 429–453.
25. Waltz K. N. Theory of international Politics. Mass. : Addison-Wesley, 1979. 251 p.
26. Литвишко О. М. Политические механизмы обеспечения национальных интересов современного государства // Фундаментальные исследования. Политические науки, 2015. № 20 (3). С. 417–426.
27. Мухаметов Р. С. Инструменты внешней политики России: сущность и формы реализации // Ars Administrandi, 2010. № 2. С. 40–51.
28. Братерский М. Невоенные рычаги внешней политики России. Региональные и глобальные механизмы. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 282 с.
29. Read R. The implications of increasing globalization and regionalism for the economic growth of small island states // World development. 2004. Vol. 32, № 2. P. 365–378.
30. Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. 448 с.
31. Rothstein R. I. Alliances and Small Powers. New York : Columbia University Press, 1968. X, 331 p.
32. Zibrandt von D-L. S. Westeuropäische Kleinstaaten in der EG und EPZ. Zürich : Verlag Rüegger, 1993. 471 p.
33. Handel M. Weak States in the International System. London : Frank Cass, 1981. VIII, 318 p.
34. James A. Diplomacy and International Society // International Relations. 1990. Vol. 6, № 6. P. 936–937.
35. Barston R. P. Modern Diplomacy. Second edition. London ; New York : Longman, 1997. 308 p.
36. Ефанова Е. В. Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства // Вестник РУДН. Серия : Политология. 2018. Т. 20, №. 3. С. 417–426. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-3-417-426>
37. Никольсон Г. Дипломатия / пер. с англ. М. : ОГИЗ, 1941. 153 с.
38. Зонова Т. В. Публичная дипломатия в рамках европейского интеграционного процесса // Современная Европа: 60 лет после Римских договоров : в 2 ч. / отв. ред. Е. А. Маслова, О. Ю. Потемкина. М. : Ин-т Европы РАН, 2017. Ч. I. С. 21–29.
39. Thorhallsson B., Steinsson S. Small State Foreign Policy. Oxford : Oxford Research Encyclopedia of Politics, 2017. 242 p.
40. Cowan G., Arsenault A. Moving from Monologue to Dialogue to Collaboration: The Three Layers of Public Diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences. 2008. Vol. 616, № 1. P. 10–30.
41. Bodansky D. The United Nations Framework Convention on Climate Change: A Commentary // Yale Journal of International Law. 1993. Vol. 18 (2). P. 478–491.

42. Lakatos I. The Potential Role of Small States and their “Niche Diplomacy” at the UN and in the Field of Human Rights, with Special Attention to Montenegro // Pécs Journal of International and European Law. 2017. № 1. P. 58–68.
43. Vaicekauskaitė Z. M. Security Strategies of Small States in a Changing World // Journal on Baltic Security. 2017. № 3 (2). P. 7–15.
44. Скриба А. С. Балансирование малых и средних государств // Международные процессы. 2014. Т. 12, № 4. С. 88–100.
45. Ковалев А. А. Актуальные вопросы стратегии безопасности малых государств // Вопросы безопасности. 2021. № 2. С. 28–40. <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2021.2.34906>
46. Lee J. Y. Hedging Strategies of the Middle Powers in East Asian Security: The Cases of South Korea and Malaysia // East Asia. 2017. Vol. 34. P. 23–37.
47. Thorhallsson B., Steinsson S. Security Strategies of Small States in a Changing World // Journal on Baltic Security. 2017. Vol. 3 (2). P. 7–15.
48. Traité du 17 juillet 1918 fixant les rapports de la Principauté avec la France // Legimonaco. URL: <https://legimonaco.mc/tai/traite/1918/07-17-tai1l000010/> (дата обращения: 29.06.2024).
49. Décret no 95-136 du 3 février 1995 portant publication du traité de bon voisinage, d’amitié et de coopération entre la République française, le Royaume d’Espagne et la Principauté d’Andorre, signé à Paris le 1er juin 1993, à Madrid le 1er juin 1993 et à Andorre le 3 juin 1993 // Légifrance. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000370180> (дата обращения: 25.06.2024).
50. Convenzione di amicizia e di buon vicinato fra l’Italia e la Repubblica di San Marino, 31 marzo 1939 // World Intellectual Property Organization. URL: https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/it/it-sm1/trt_it_sm1.pdf (дата обращения: 25.06.2024).
51. Mahant E. Regional Economic Integration – Bringing Values Back // Globalization and the Political Economy of Trade Policy. Toronto : The APP Press, 2000. P. 1–78.
52. Vertrag vom 29. März 1923 zwischen der Schweiz und Liechtenstein über den Anschluss des Fürstentums Liechtenstein an das schweizerische Zollgebiet // Liechtensteinische Landesverwaltung. URL: <https://www.gesetze.li/konso/1923024000> (дата обращения: 29.06.2024).
53. Vertrag zwischen dem Fürstentum Liechtenstein und der Republik Österreich über die Unterbringung von Häftlingen // Liechtensteinische Landesverwaltung. URL: <https://www.gesetze.li/konso/pdf/1983039000?version=1> (дата обращения: 25.06.2024).
54. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник // Наука. Искусство. Величие. URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/legal-systems-of-countries/index.htm?ysc-lid=m0k-sk2jh-2c139523784> (дата обращения: 25.08.2024).
55. Convention du 21 septembre 1949 relative à l'aide mutuelle judiciaire entre la France et la Principauté de Monaco // Legimonaco. URL: <https://legimonaco.mc/tai/convention/1949/09-21-tai1l000230/> (дата обращения: 10.08.2024).
56. San Marino. Country Reports on Human Rights Practices // United States Department of State (archive). URL: <https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/2001/eur/8334.htm> (дата обращения: 07.08.2024).

Поступила в редакцию 08.09.2024; одобрена после рецензирования 18.09.2024;
принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 08.09.2024; approved after reviewing 18.09.2024;
accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025